

Удивительное дело: это первый авторский сборник известного, можно даже сказать культового, пермского автора. Среди людей пишущих и читающих это признанное имя, а вот поди ж ты — первая книжка. Всё дело в том, что Букур — это половина писательского дуэта, который он составляет с женой, Ниной Горлановой. В составе этого небольшого писательского коллектива он и публикуется активно, и даже на «Букер» выдвигался за «Роман воспитания», но в единственном числе публиковался лишь в журналах и в давнишнем сборнике фантастики «Поиск».

Есть и ещё одна причина этого парадокса: личные знакомые знают, что Букур — блестящий мастер устного высказывания. Его речь пересыпана ироничными истинами, шутками, цитатами-парафразами, так что знай собирай. Он рассыпает их, как жемчуг из порванных бус: кто первый взял — того и бусина. В основном жемчужины достаются Нине Горлановой: она не расстаётся с листком бумаги, на котором фиксирует все перлы Вячеслава, а потом они украшают её фейсбук (у самого Букура социальных аккаунтов нет) и их совместные произведения.

Такое разделение труда: Вячеслав говорит — Нина пишет. И даже сейчас, когда в честь юбилея писателя в Санкт-Петербурге вышел его авторский, вроде как личный сборник, центральное произведение в нём — автобиографическая повесть «Учитель иврита» — написано опять-таки в соавторстве с женой. Даже оформление книги в очень большой степени заслуга Нины, которая по совместительству художник: на первой странице обложки —

портрет Букура её работы, а на последней — оба автора с кошкой и попугаем, тоже её картина.

Самое сильное чувство, возникающее при прочтении книги, — острейшее дежавю. Всё здесь посвящено 1990-м годам и настолько укоренено в этом времени, что порой страшновато становится, как будто время действительно обернулось вспять. Это, между прочим, не редкость среди пермских писателей: только что в издательстве «Престиж Бук» (Москва) вышел роман Вячеслава Запольских «Любовь к ошибкам», написанный буквально вот-вот, а действие происходит в «девяностые», до него Владимир Соколовский написал свой шедевральный «Уникум Потеряева» — опять-таки про «девяностые»...

Соколовский и Букур — представители одного поколения, Запольских чуть младше, но и его юность-зрелость пришлась на это остро памятное время; неудивительно, что писатели оглядываются в своём творчестве на два десятилетия назад. Удивительно другое. Букур пишет не только про «девяностые», но и в стилистике «девяностых». Читаешь, вспоминаешь, какая литература была в то время в моде, и удивляешься, что мода эта практически ушла.

Сборник «Юбилейное» — отличный повод задуматься о том, как меняются литературные тренды.

Два-три десятилетия назад реализм был не в почёте. Фантастика рулила, мыслями

сограждан владели инопланетяне, уфологи были героями СМИ. Не то чтобы все всерьёз верили, что в Молёбке высадились пришельцы, но поговорить об этом, а ещё лучше — съездить в Молёбку и поделиться своим «мистическим» ощущением от пребывания на «космодроме» — это было обязательно. Инопланетяне были частью нашей реальности, так же как экстрасенсы и телецелители. Конечно, к последним отнормировались скорее иронически, но не сразу. Поначалу все как один, независимо от уровня ай-кью и наличия учёной степени, исправно отсматривали телесенсы Кашпиоровского.

Сложно сказать, откуда в годы перестройки возникла эта тяга к как бы научному, но при этом совершенно фантастическому. Возможно, острая усталость от обыденного и столь же острая потребность в резких, даже волшебных переменах — тому причина. Все серьёзные писатели сочиняли фантастику, реализм казался скучным и чуть ли не устаревшим. Букур — не исключение. Сборник «Юбилейное» открывается и закрывается короткими рассказами как раз из этого ряда. В рассказе «Постучи в окно и скажи Егорову» героиня встречает на лесной прогулке пришельца, а герои рассказа «Он меня отремонтировал» — разумные андроиды. Юмористический рассказ «Переговорщик» — о том, как пришельцы вербовали пермяка на должность контактера с новооткрытыми цивилизациями.

Эти короткие сочинения воспринимаются как тренировка фантазии и разминка остроумия. Небольшая повесть «Охота на предка» — из другой парадигмы, тоже отсылающей в конец XX века. Помните, были в моде сочинения про первобытных людей, с одной стороны, пытающиеся моделировать ментальность и поведение далёких предшественников современного человека, а с другой стороны, использующие первобытную жизнь как универсальную модель для рассуждения о человечности, об обществе и личности? Именитые авторы, эксплуатирующие этот приём, склонялись к неутешительным для Homo Sapiens выводам, вспомним хотя бы «Две стрелы» Александра Володина или жёстких «Наследников» Уильяма Голдинга. У Букура выводы прямо противоположные: в его повести речь идёт о том, как сквозь дикость прорастают мораль и гуманизм. Позитивная, в общем, повесть... Но, когда читаешь текст, написанный от лица гражданина каменного века, кажется, будто это не вполне взрослая литература.

Всё же самые большие и серьёзные произведения в сборнике далеки от фантастики: это автобиографическая повесть «Учитель иврита» и «Сторожевые записки», которые фактически являются её продолжением. Действие про-

исходит, ясное дело, во времена перестройки. Главный герой Миша — русский, который преподаёт иврит евреям, планирующим уехать в Страну обетованную, его жена — журналистка, редактор независимой газеты. У них три дочери и сын, квартира со всеми удобствами (мыться ходят к знакомым), вечное безденежье и миллион друзей.

Знакомо? Ну, разумеется, там, где Горланова и Букур переходят от фантазий к реальности, они немедленно начинают писать о себе, о собственном опыте, благо, опыт этот богат, хотя и несколько однообразен. Любое самое, казалось бы, незначительное бытовое событие, каждая фраза очередного гостя становятся поводом для рефлексии и перерастают в экзистенциальное переживание, всё вокруг осмысливается в парадоксальном ключе, столь характерном для образа мыслей Букура. Порой повесть выглядит как собрание афоризмов: фраза за фразой — сплошные лапидарности. Открываем наугад, страница 129:

«Евреи делятся на храбрых и очень храбрых. Храбрые — это те, кто уезжает, очень храбрые — которые остаются. Там рядом Саддам, здесь страх гражданской войны и голода»...

Тут же, строкой ниже:

«Я давно понял, что у спиртного есть какие-то излучения,

а у людей, живущих в совке, — специальный орган, ловящий эти излучения. Стоит появиться бутылке на столе, как все знакомые, которые идут по своим делам, вдруг меняют траекторию и закругляют её к заветной точке».

Эта взятая наугад секвенция очень многое говорит о повести «Учитель иврита». О чём ещё и как ещё рассуждать русско-грузинско-молдавскому семейству, погрязшему в еврейском вопросе и интеллигентских нетрезвых разговорах? Здесь ироничность и философия не просто помогают, а жизненно необходимы. Иначе кранты.

Герои на протяжении всей повести вслух мечтают о том, чтобы заработать еврейское право на репатриацию и уехать в тёплую, благоустроенную страну. Дети уже куклам придумали еврейские имена! Временами мечтается и о переезде в Молдавию, в Грузию — там есть родня... Куклы срочно переименовываются.

Понятно, что никуда Миша, Нинико и их дети не уедут, потому что невозможно уехать от себя и прожить чужую жизнь вместо собственной. Там и останутся — в доме со всеми неудобствами, в компании нетрезвых чудаков-друзей, в вечной, бесконечной зиме и вечных, бесконечных «девяностых».